

Каких друзей мы себе выбираем? (Социобиология дружбы)

Ю. М. Плюснин,

кандидат биологических наук

Институт философии и права Сибирского отделения РАН Новосибирск

© Плюснин Ю. М. Каких друзей мы себе выбираем? (Социобиология дружбы).

«...Даже не знаю, как один человек становится другом другому.»
Платон. «ЛИСИД»

Как почти всегда бывает с явлениями очевидными и близкими, природа дружбы темна. Каждый из нас может насчитать сотню-другую приятелей и знакомых. Не менее десятка людей составляют круг близких родственников. Городской житель активного возраста ежедневно вступает в контакты с 30—40 самыми разными людьми, а за свою жизнь он знакомится с одной-двумя тысячами человек¹. Но друзей-то у каждого из нас — раз-два и обчелся. Многие лишены даже этого, всю свою жизнь мечтая о верном друге и не находя его. Всякий же, кто имеет друга, дорожит им и боится его потерять.

Отчего же так мало у нас друзей? Ведь по аналогии с иными вещами все должно быть наоборот: имея столько приятелей и так стремясь обрести среди них друга, всякий должен был бы накапливать друзей как самую большую драгоценность (не имей сто рублей...). Но я не знаю человека, который отважился бы признаться, что у него сотня верных друзей. Это, кажется, вовсе невозможно.

Дружбе посвящены романы и оды, описанием ее украшены древние хроники и саги, житий и биографии, И теперь мы видим, может быть и слишком редко, завидную дружбу между людьми, между человеком и животным, даже между животными. Какие-то тайные признаки заставляют нас удостоверять без сомнений такую связь между двумя душами, что мы называем ее истинной дружбой, невзирая ни на какие различия между друзьями.

Эта-то независимость дружбы от значимых характеристик (социальный класс и возраст, пол и раса, иногда даже видовая принадлежность) свидетельствует, что дружба — не просто психологический или социокультурный феномен, но нечто более древнее, чем человек и его история.

Я предлагаю читателю анализ дружбы, в котором сопоставлено, казалось бы, несопоставимое. Он, конечно, не даст ответа на вопрос, почему каждому из нас необходим друг, но позволит понять, каких друзей мы себе выбираем (большего и нельзя ждать от предлагаемого подхода). Тогда мы приблизимся, может быть, и к пониманию дружбы, той истинной дружбы, которая прочнее вещей и регалий, семей и государств, подчас ценнее самой даже жизни.

НАЗВАННЫЙ БРАТ

Вспомним об архаическом социальном институте, существующем кое-где еще и в наши дни. Это мужской союз, «мужской дом», объединяющий мужчин близкого возраста в селении, в племени. Мужские союзы генетически связаны с обрядом посвящения — инициацией — всеобщим для человечества историко-культурным феноменом. Анализ природы мужского союза может многое прояснить в проблеме дружбы².

В процессе инициации юноши, а позднее и молодые мужчины должны были какое-то время, нередко в течение нескольких лет, жить отдельно от сородичей а укромных местах, обычно в лесу, в специально сооруженных «больших домах». Посвященные члены союза были связаны между собой системой эзотерических обрядов и табу, а также обязанностью взаимной выручки. Все они называли себя братьями, но наиболее тесные связи устанавливались, естественно, между одновременно иницированными; их группы внутри союза состояли из небольшого числа юношей и мужчин. Более того, обычно каждый член союза имел напарника из числа тех, с которыми он подростком проходил инициацию одновременно. Их обязанностью было защищать друг друга в бою. Во всех остальных предприятиях они также были неразлучны. Эта связь поддерживалась в течение всей жизни.

Важно, во-первых, что члены пар не были кровными родственниками. Во-вторых, посвящение проводили обычно мужчины, принадлежащие роду матери посвящаемого, т. е. чужие для него, но непосредственные наставники в будущем. И эта неродственность наиболее тесных отношений между мужчинами сообщества, очевидно, как-то фиксировалась, закреплялась социальной практикой и приобретала характер законов столь прочных, что они дожили до наших дней. Чужой, состоящий в особых отношениях с другим чужим, был ему названным братом, гостеприимцем, кумом.

Названные братья (в сказках братья-разбойники из большого дома в лесу все дни проводят в совместных странствиях и военных предприятиях) обладают одной важнейшей для нашего исследования особенностью. Они вместе прошли обряд посвящения — побывали в царстве мертвых и вернулись оттуда. Получили из рук старших, ответственных отныне за них, эзотерические сведения, космогонические знания и мифы о сотворении человека и племени. Говоря нашим прозаическим языком, они приняли и усвоили общую систему ценностей. Их длительная совместная жизнь, начавшаяся еще в подростковом возрасте, способствовала тому, что их система обыденных ценностей одна и та же.

Это один из первых главнейших моментов, который нужно отметить при анализе дружбы. Чужаки по крови, ставшие друзьями (гостеприимцами, кумами), должны иметь общие нравственные и мировоззренческие принципы. Тем самым, может быть, уже в глубокой древности формируются зародыши, из которых впоследствии вырастает представление об общечеловеческих ценностях.

Действительно, уже в историческое время, в героическую эпоху, друзьями становились не только члены разных фратрий и фил одного племени, одного сообщества, но и иноплеменники, представители разных народов, иногда враждебных друг другу. Античность дает этому множество ярких примеров.

ЛЮБОВЬ И ДРУЖБА

Приведенные выше соображения — не более, чем гипотеза. Мы хорошо знаем, сколь сильно меняется со временем представление о дружбе. Если в период ранней античности и варварства дружба ценилась превыше всего и была наивысшим выражением интимных отношений между людьми, воспринималась буквально

данной богами, то по мере приближения к нашим дням она как будто мельчает. Кажется, падает ее значение в частной жизни человека; он вполне уже может обходиться формальными, несердечными отношениями не только с сослуживцами, но и с близкими. Отчего же создается такое ощущение?

Древний глубокий смысл свой (дружба — это единокровие, дружба — это любовь) дружба сохраняла до самого последнего времени даже в Европе. Еще в прошлом веке мы находим — и в художественной, и в мемуарной литературе — характеристики дружба, эквивалентные определениям древних. Представления о дружбе и любви были нераздельны. И нам, привыкшим понимать под любовью отношения между полами или только секс, теперь зачастую непонятен истинный смысл выражений вроде «любовь и дружба — все едино...». Греки для дружбы и любви имели одно слово — *philia*, и это единство на протяжении столетий воспроизводилось даже в языках, в которых существовали два термина. Этот старинный смысл дружбы, дружбы как любви сохраненный для нас дедами, мы почему-то теперь утратили. Между тем в любви мы по-прежнему отмечаем главным качеством, помимо влечения, еще и согласие, т. е. единокровие двух людей. Не перестали мы видеть в дружбе единокровие?

Единокровие — это, конечно же, общность системы ценностей, нравственное сходство. «Самая тесная дружба, как о том судят древние мудрецы, бывает у сходных меж собою людей»³. В дружбе единокровие столь же необходимо, как и в любви. Но зададим вопрос: одинаковы ли в разные исторические периоды условия для проявления единокровия? Неодинаковы. Оказывается, изменилась не сама дружба. И в древности она была редким явлением, так же как и теперь. Но теперь стали иными социокультурные и даже экономические условия, они и изменили обстоятельства выражения и существования, внешнего проявления дружбы.

Действительно, многие из нас теперь с раннего детства и до старости вынуждены большую часть времени пребывать в кругу сверстников и малознакомых людей, никак не связанных с нашей родственной группой внутренними интересами. И что самое важное — этот круг обычно лишь отчасти разделяет ценностные представления. В детском саду, школе и университете мы еще можем найти друга, с которым вместе обретаем нравственные представления. Но как мы можем это сделать на службе, где все — более или менее случайные наемные работники? Здесь слишком мала вероятность встретить единокровие, которое переросло бы в дружбу. Так что цена, которую мы заплатили за свободу личности, полученную благодаря разрыву первичных для всякого человека партикулярных и родственных связей, включает в себя не только отчуждение, одиночество и чувство ничтожности и бессилия, но и утрату для большинства возможности найти друга.

Сам феномен дружбы, как явление психологическое и природное, отнюдь не меняется. Дружба какой была, такой и осталась; ведь она имеет отношение к душе человека, а не к социальным обстоятельствам его поведения. Следовательно, у каждого из нас лишь уменьшилась вероятность встретить в своем непосредственном профессиональном и бытовом окружении человека, который оказался бы единокровен нам; обладал бы той же системой ценностей. Поэтому называя свои отношения с кем-то дружбой, мы в глубине души их таковыми не считаем. Оттого-то, видимо, и перестала быть дружба любовью.

Тот факт, что теперь мы живем в условиях, которые неблагоприятствуют возникновению и существованию дружбы (мы вынуждены работать не с теми, кто нам нравится, и часто жить вдали от друзей), как раз свидетельствует, сколь важен для нее фактор общих ценностей.

Однако общая система ценностей — необходимое, но не достаточное условие дружбы, иначе любая партия и секта, дворовая команда и офицерское собрание являли бы собой сборище друзей уже потому только, что они единомышленники, придерживающиеся одной морали и общих ценностей. Но друга выбирают — одного из многих.

ВЫБОР И ПРЕДПОЧТЕНИЕ

Всякий выбор предполагает (как необходимое условие) предпочтение: чтобы выбрать одно, его необходимо прежде всего предпочесть многим подобным (если, конечно, выбор не случайный). Что же такое предпочтение и каковы его критерии?

В свое время В. А. Энгельгардт, обсуждая фундаментальные биологические понятия в качестве атрибутов жизни, прежде всего отнес сюда узнавание и сопутствующее ему предпочтение⁴. Действительно, именно эти атрибуты определяют существо биологических взаимодействий как на молекулярном, так и на организменном и даже социальном уровне. Любые взаимодействия возможны только благодаря специфическому, в предельном случае — индивидуальному, распознаванию и предпочтению. Все процессы, протекающие в клетке, ткани или органе, начинаются с распознавания и предпочтения одних молекул другим, одних конформаций другим, даже очень похожим по структуре, (Недаром одна из фундаментальных моделей биохимии и физиологии — это модель «замка и ключа», и хорошо известно, к каким губительным последствиям для клетки и целого организма приводит обнаружение «отмычки» к этому замку, когда появляются ошибки распознавания и предпочтения.)

Предпочтение, таким образом, — фундаментальный биологический феномен (а возможно, и не только биологический).

Способность к предпочтению имеют молекулярные комплексы и клетки, ткани и биологические организмы. Просто для поддержания существования в любой форме необходимо предпочтение. И это касается не только пищи, но и продолжения рода, не только избегания опасности, которое лучше удастся вдвоем, чем в одиночку, но и получения улады для души, достигаемой в совместной деятельности, игре, беседе, безделье и развлечении.

Ясно, что предпочтение имеет разные уровни. Предпочесть некую пищу или запах — не одно и то же, что другого человека, хотя внешне они могут проявляться у человека в сходных формах поведения. Но существует общий принцип всякого предпочтения: «*similis simili gaudet*» (подобный подобному радуется). И это несмотря на то, что прежде всего нам бросается в глаза как раз предпочтение противоположного («противоположности сходятся»). Просто мы часто забываем, что в действительности предпочитаемые противоположности дополнительные (как противоположность мужчины и женщины).

Раз предпочитается подобное, то и выбирается подобное. Поэтому друзьями становятся сходные меж собою люди не только по духу, но и по «телу». По каким критериям внешних, телесных признаков подобия осуществляется этот выбор?

Их немного: предпочтение представителя своего вида; сородича (члена родственной группы); индивида своего пола; сверстника; члена своей социальной группы. Рассмотрим эти виды предпочтения.

«МЫ С ТОБОЙ ОДНОЙ КРОВИ...»

Предпочтение представителей своего вида и своей родственной группы — наиболее заметное. И то и другое взаимосвязано. Предпочтение своего вида формируется у животного или человека в раннем возрасте, и образом является

сородич (родители, сибсы — члены своего выводка). Обе эти формы настолько представлялись очевидными, что ученые не считали проблему достойной обсуждения. Поэтому в биологической литературе проблема предпочтения родичей начала широко обсуждаться только с начала 80-х годов. Тогда же появились первые экспериментальные работы (теперь их уже очень много), в которых доказывалась сама возможность предпочтения и узнавания родственников у самых разных, в том числе и весьма примитивных, животных и обсуждались биологические основания этого феномена⁵.

Распознавание и предпочтение близкого сородича биологически детерминировано, т. е, имеет генетические корни, либо импринтируется (запечатлевается) в раннем возрасте; скорее всего, действуют одновременно оба механизма⁶. У птиц распознавание и предпочтение осуществляется, видимо, в основном с помощью зрения, тогда как у млекопитающих — преимущественно благодаря обонянию и частично зрению. Чтобы распознать «своего», достаточно мельчайших внешних признаков, минимальных запаховых различий, оттенков поведения. Например, крупный голарктические чайки виды которых различаются только цветом и формой кольца вокруг глаза и мелкими деталями в оперении концов крыльев к хвоста, различают себя превосходно, а человек — лишь при ближайшем и тщательном осмотре. Так же точно и человек с одного взгляда различает представителей разных этнических групп, не говоря уже о расах. В распознавании и предпочтении люди, как и большинство млекопитающих, также пользуются обонянием, несмотря на его неразвитость. Те же, для кого обоняние — один из главных сенсоров, способен, подобно мышам, различать запаховые нюансы, которые кодируются отдельными аллелями одного гена.

Поскольку распознавание и предпочтение вида и сородича коренится очень глубоко, оно обычно человеком в повседневной жизни не осознается. Он отмечает факт предпочтения или избегания словами-определениями типа «нравится — не нравится», не задумываясь, конечно, о критериях своего выбора. Здесь говорит о нем видовая и этническая принадлежность по крови. Поэтому такая форма предпочтения даже не требует обсуждения — она присутствует как основной компонент каждого акта взаимодействия и предпочтения.

КОРНИ «МУЖСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ»

Не столь ярко и очевидно предпочтение представителя своего пола. У взрослых оно очень сильно затушено как раз предпочтениями противоположных полов. В наши дни, когда множество профессий утратили исходно присущий им признак половой принадлежности и человек много времени проводит в разнополых коллективах, предпочтение представителя своего пола вообще не кажется очевидным. Между тем это так.

Хотя противоположный пол и притягателен для каждого из нас, при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что предпочтение неизменно отдается своему полу. Особенно ярко оно проявляется у подростков и юношей: именно в этом возрасте происходит интенсивное половое созревание и развивается гиперсексуальность и влечение к противоположному полу.

Однако, когда мы не на свидании и не томимы первым или новым чувством к прекрасному или сильному полу, с кем мы предпочитаем проводить время? Конечно, за игрой, вином или беседой скорее с приятелем, если мы мужчины, и с приятельницей, если женщины.

Предпочтение своего пола имеет, видимо, столь же глубокие корни, что и предпочтение сородича. По крайней мере у человека оно проявляется уже в полтора

года, причем только у мальчиков⁷. Эта особенность их поведения прослеживается и в четыре—семь лет, девочки же вплоть до школьного возраста не обнаруживают значимых предпочтений своего пола (или очень редко). Предпочтение у девочек не истинное, а кажущееся: в разнополых группах мальчики собираются в «стайки» и девочки поневоле образуют свое «общество». Реально предпочтение у девочек становится отчетливым только к старшему детскому и подростковому возрасту.

Очень сходна, если не аналогична, картина объединения молодых индивидов у животных. И то же, что у людей, общее правило: взаимное предпочтение особей мужского пола с самого раннего возраста.

Такие явные и постоянные различия в половых предпочтениях кажутся совершенно необъяснимыми. У меня, как и у других исследователей, нет гипотез на этот счет. Однако некоторые следствия из этого факта можно вывести (правда, при желании их можно счесть результатом проявления не исследовательского духа, а мужского шовинизма). Допустимо, например, предположить, что природно обусловленное взаимное влечение индивидов мужского пола может служить сплоченности членов сообщества и тем самым обеспечивать социальное единство (другими словами, выступать в роли одного из важных факторов, на котором основывается социальная жизнь). В результате можно было бы утверждать, что дружба между мужчинами уходит корнями в природные глубины нашей социальной жизни.

Мы можем усомниться также в том, что дружба между женщинами и между мужчинами не отличается. Если привязанности между мужчинами носят скорее природный характер и проявляются чрезвычайно рано, то привязанность между женщинами можно отнести к культуре. И древние, и современные писатели отмечают, что мужчины в компаниях, предоставленные сами себе, очень скоро скатываются до уровня поведения подростков, испытывая от этого атавистически глубокое чувство эмоционального удовлетворения. В женских компаниях мы ничего подобного не найдем. Дружба между женщинами скорее похожа на любовь и именно этим отличается от мужской дружбы.

Исторически эти различия зафиксированы в ритуалах. Хотя во многих чертах ритуальные формы установления дружбы и у мужчин и у женщин сходны, по некоторым важнейшим чертам они радикально отличны. Например, только для мужчин допускался обряд кровопускания и обмена кровью во время братанья (соединение порезанных запястий, пальцев, обмазывание своей кровью лица и рук другого, вкушение крови «брата» и т. п.). Кроме того, женщинам, видимо, не позволялось в ритуале кумования обмениваться ценными и жизненно важными предметами, что, наоборот, было распространено у мужчин. Ритуал установления дружбы у женщин происходил с обменом символическими предметами — оберегами, иконками, крестами, ветками, пищевыми предметами, имевшими сакральный характер (яйцами, пирогами и т. п.)⁸. Наконец, насколько можно судить по этнографическим данным, ритуал кумования осуществлялся женщинами одного селения, одного сообщества, тогда как братание у мужчин нередко включало членов разных племен и селений.

Все эти моменты, указывающие на различие не только природы, но и социальных канонів дружбы у мужчин и женщин, можно увязать в некоей примитивно-эволюционной гипотезе.

Внеплеменной характер института дружбы, выходящего за рамки одного сообщества, очевидно, важен и необходим был прежде всего для мужчин. Они обязаны защищать свое селение и племя, невзирая на степени родства его членов. Их первой задачей была стабильность существования общества, как за счет обеспечения

ресурсами, так и поддержания мира с соседями. Это характерно и для всех древних архаических обществ, и для современных. Тогда понятно, почему в круг ритуала дружбы включались иноплеменники и почему в таких ритуалах всегда придавалось большое значение символическому родству друзей, устанавливаемому обменом кровью и дорогими подарками — жизненно важными предметами либо сакральными.

Иное положение почти во всех обществах занимали женщины. Если они не оставались в своем селении, родовой группе, то уже в детстве выдавались в «жены» в другое селение, где и воспринимали нормы поведения и мировоззрение этого чужого им по крови общества. Женщина была не только хранительницей и носительницей знаний и обычаев селения, но благодаря различию географических и экологических условий, в которых существовали сообщества (что особенно характерно для тропических и субтропических районов), приобретала знания и навыки, отражающие жизнедеятельность именно в этих условиях. Поэтому уже молодые женщины, будучи основными собирателями съедобных и лекарственных трав, имели очень мало шансов приспособиться к новым условиям жизни в другом обществе, в другом селении. Женщины активного возраста в архаических обществах, в отличие от мужчин, фактически уже никогда не переходили из группы в группу, из селения в селение⁹. Поэтому и ритуалы дружбы между женщинами могли быть только внутриобщинными. Итак, связи между женщинами ограничивались родственной группой объясняет только социокультурные отличия в дружбе у мужчин и женщин, оставляя без объяснения вопрос, почему связи и предпочтения между мужчинами возникают раньше и более прочны, чем у женщин. А так как аналогичная картина наблюдается у всех высших приматов и других млекопитающих, то можно лишь предположить, что здесь действуют этолого-генетические механизмы, сформировавшиеся в результате отбора.

СВОИ ИГРЫ У КАЖДОГО ВОЗРАСТА

Возраст весьма существен в общении взрослых, но для детей и подростков он несравнимо важнее: разница в полгода оказывается для детей уже препятствием в совместной игре и общении. Хотя старшие и притягательны и для детей, и подростков, и юношей, но в таком общении почти всегда исключается равенство отношений, совершенно необходимое в дружбе. Чем младше ребенок, тем уже возрастной интервал его друзей-сверстников.

Биологическая целесообразность предпочтения сверстника очевидна и отчетливо проявляется в поведении, репертуар которого у человека, как и других животных, сильно меняется с возрастом. Старшие по возрасту могут быть во взаимоотношениях с младшими лишь руководителями, наставниками, но очень редко — партнерами в игре или общении. Так как умения, навыки, способность понимать социальные символы, исполнять роли, участвовать в ритуалах и т. п. сильно зависят от возраста, возрастное предпочтение, в младенчестве и детстве отчетливо обусловленное биологически, в зрелые годы переходит преимущественно под социальный контроль. Но где-то в самых глубинах нашей души навсегда остается эта детская привязанность к сверстнику, и мы невольно для себя выбираем и предпочитаем погодка.

Возрастная дискриминация повсеместна в популяциях млекопитающих и птиц. В сообществе одновозрастные группы самцов и самок существуют как самостоятельные социальные единицы, занимая каждая свое место в его структуре. Это функциональное половозрастное подразделение сообщества имеет непосредственную адаптивную ценность (обеспечение эффективного использования

ресурсов и поддержание стабильной социальной структуры) и перспективное значение (как этологический механизм поддержания репродуктивного потенциала популяции). В этом, социобиологическом, смысле мы, кажется, не отличаемся от других животных.

«СВОЙ» и «ЧУЖОЙ»

Все описанные виды предпочтений так или иначе определяются действием генетических механизмов. Предпочтение же члена своего сообщества, который далеко не всегда родственник или сверстник, должно основываться на социобиологических и социокультурных признаках узнавания. И такие признаки существуют издревле. Их две большие группы.

В относительно изолированных небольших по численности общинах с низким уровнем миграции (практически повсеместно и во всех культурах) антропологический облик большинства членов очень сходен («все на одно лицо») в силу чисто популяционно-генетических причин (дрейф генов и эффект основателя). Сходство довершают диалектные особенности говора, образующие неповторимость фонетических и фразеологических характеристик речи в каждом селении,

Внешнее антропологическое сходство в старинных селах, которое до сих пор бросается в глаза любому приезжему горожанину, дополняется различными видами меток (татуировка на теле, деформация отдельных его частей, каноны украшения головы и конечностей, одежда), указывающими на принадлежность человека к определенному сообществу. Большую часть человеческой истории метки, как детерминаторы социальной принадлежности человека, играли главнейшую роль. Теперь, с развитием транспортных, информационных коммуникаций и миграцией, этот механизм почти потерял свое значение.

Колоссальное разнообразие социальных меток человека, обозначающих его половую, возрастную, репродуктивную, профессиональную, классовую, кастовую принадлежность, исторически служит для единственной цели: указать принадлежность данного субъекта конкретному сообществу. Когда не удается распознать «своего» по внешним биологическим признакам или по языку и манерам поведения, срабатывают только такие социальные метки.

Распознавание и предпочтение члена своего общества занимает уже, таким образом, промежуточное положение между чисто биологическим и психологическим, индивидуальным предпочтением субъекта, которого желаешь иметь своим приятелем или другом.

Приведенные формы предпочтений, на каком бы классификационном уровне они не выделяли объект предпочтения — на уровне вида, половозрастной или родственной социальной группы.— имеют значение для индивидуального предпочтения, которое только и ведет окончательно к возникновению дружбы.

Дружба предполагает последовательное предпочтение из некоторой совокупности живых существ (вообще) таких, которые одного со мной вида¹⁰, затем — одного пола и возраста, одного сообщества (в позднее — одной социально-профессиональной и культурной группы). И здесь уместны слова Платона: «Коль скоро вы между собою друзья, вы по своей природе друг Другу родственны»¹¹. Именно природное сходство, или родство,— одно из необходимых условий дружбы. Заметим, что предпочтение родственника, особенно близкого, выпадает из этого ряда по психологическим причинам: родственник по своему статусу крайне редко бывает другом, хотя несет многие его функции. Друг должен быть "своим», но не родичем («а он мне ни друг и ни родственник...»).

Итак, второе необходимое условие дружбы— это сходство друзей меж собой повнешним признакам (биологическим и социокультурным). Конечно, каждый может привести примеры, сплошь и рядом опровергающие сказанное, но они относятся к тому роду исключений, которые только подтверждают правило. Это второе условие значительно сокращает круг лиц, среди которых может быть выбран друг. Но все равно этот круг достаточно обширен — 5—10 человек. Как же среди них отыскать настоящего друга?

ВСЁ ДЕЛО – В НЕСХОДСТВЕ ХАРАКТЕРОВ

Последнее, третье необходимое условие дружбы противоречит пифагорейскому тезису «у друзей — все общее», да и вообще всем известным античным и средневековым формулам дружбы.

Мы предпочитаем и выбираем уже из круга избранных, как биологические индивиды. И социокультурная среда вынужденно задает нам круг таких людей. При извне заданных нам условиях мы и осуществляем индивидуальное предпочтение, для которого необходима психологическая совместимость людей, взаимно выбирающих друг друга.

Какими же психологическими качествами должны обладать друзья? Ответу на этот вопрос я посвятил специальное исследование, объектами которого были взрослые мужчины, дошкольники, а также некоторые животные. Ясно, что в каждой конкретной ситуации значение имеют разные психологические качества, иногда очень тонкие нюансы играют решающую роль. Но для научного исследования наиболее важны черты характера, которые имеют значительную наследственную компоненту, участвуют в детерминации психологического типа и определяют стиль поведения индивида. Таких характерологических черт немного, но они фундаментальны, а главное, выделяются и у животных, следовательно, могут изучаться в сравнительно-психологическом ключе. Это тип темперамента, эмоциональный статус, ориентация на новизну (исследовательская активность), коммуникативность (общительность) и доминантность.

Примечательно, что ни по одному из показателей дружба или члены альянса (у животных) не были подобны Друг другу. Наоборот, черты их характера либо частично не совпадали, либо были противоположными (особенно наследственно детерминированные, такие как эмоциональный статус и способность к доминированию).

Эмоциональность, обусловленная во многом динамическими составляющими личности (темпераментом), имеет большое значение в определении типа поведения, т. е. в склонности к той или иной социальной стратегии, определенному стилю жизни и отношений. И члены дружеских пар среди мужчин и среди мальчиков, и члены альянсов у животных оказались почти во всех случаях противоположными по эмоциональному статусу: если один из членов пары эмоционально устойчив, то другой — неуравновешен,

Эмоциональность связана с общительностью индивида, и обе эти черты составляют основу направленности личности либо на мир внешних объектов, либо на собственный субъективный мир (экстраверсия-интроверсия). Поэтому, как правило, из друзей один бывает скорее экстравертом, другой — более интровертом (поскольку этот фактор представлен не одной, а несколькими отдельными характерологическими чертами, здесь нет такой яркой и однозначной психологической дополнительности, как в эмоциональном статусе). Аналогично этому малоконтактные индивиды оказываются ближе связанными с общительными, чем с подобными себе.

Не менее ярко выражено предпочтение своей противоположности (у грызунов, приматов, детей и взрослых мужчин) по такой черте, как способность к доминированию. Индивид, стремящийся навязывать свое поведение другим, т. е. тот, кто стремится и способен быть лидером, удивительно часто оказывается в паре с тем, кто предпочитает принимать чужие условия, склонен к подчинению. Именно такие альянсы кажутся наиболее прочными и долговременными. Иногда создается даже впечатление, что именно эта характерологическая черта, необходимая для определения места индивида в социальной иерархии (она, к тому же, прямо связана с эмоциональным статусом), может быть важнейшим психологическим критерием при выборе партнера по альянсу или друга. Однако неизвестно, так ли это действительности.

Наличие четко выраженных различий по доминированию между членами пар требует какого-то обоснования, тем более что это затрагивает и другие черты характера. Можно предложить одну простую гипотезу.

У индивидов, склонных к доминированию — людей и животных, почти всегда несколько снижен уровень исследовательской активности. Их не столь сильно привлекает все новое, у них нет большой потребности в «острых ощущениях», как это свойственно их менее доминантным партнерам. Даже в детских группах такие мальчики редко обладают развитыми навыками и умениями, они предпочитают «командовать». Эта неумелость и отсутствие высокой исследовательской мотивации компенсируется ранним развитием «руководящих способностей». Доминант во всяком сообществе, группе ориентирован прежде всего на обеспечение социорегулятивных функций, т. е. ответствен в некотором смысле за поддержание социальной стабильности. Он по своей социальной природе должен быть консерватором и избегать всего нового — опасного для устойчивого существования сообщества.

Но новое неизбежно появляется, и оно привлекательно. Надо знать его и уметь находить средства взаимодействия с ним. А для этого есть другие индивиды, которым, как правило, свойственна и высокая исследовательская мотивация, и стремление к «поиску ощущений», иными словами, тяга ко всему новому. Но эти индивиды редко бывают доминантными, Зато часто — их друзьями.

Таким образом, альянс, в котором каждый из членов ориентирован противоположно: один — на регуляцию внутренних социальных функций, другой — на восприятие и освоение новых воздействий, поступающих извне — весьма экономично сконструированная и эффективная социальная структура, обеспечивающая наилучшее управление сообществом, группой. Близкие отношения членов такого альянса позволяют максимально быстро и без больших затрат, а главное, без неизбежных в других случаях потерь и искажений, обмениваться информацией о внутреннем состоянии сообщества и внешней среде. Чем короче и «неформальнее канал коммуникации, тем надежнее и современнее принимаемые решения.

Мои собственные наблюдения показывают, что почти во всех сообществах или небольших группах взрослых, детей, животных такие альянсы образуются. Конечно, он* далеко не всегда перерастают в дружбу, но, несомненно, являются ее предпосылкой»»

Итак, друг или самый близкий в группе индивидов по своему внутреннему характерологическому типу, по своей душе оказывается иным, нежели его напарник. В некотором смысле друг возмещает нам какие-то недостающие, но важные качества: любя» черта характера, проявляясь в конкретном человеке односторонне, обретает, благодаря дружескому союзу, свою полноту и законченность.

Конечно, далеко не всякий читатель согласится с утверждением о психологическом различии между друзьями. Но я еще раз хотел бы подчеркнуть, что психологическая инаковость друзей касается далеко не всех черт характера, прежде всего немногих основных, при этом генетически детерминированных. Нельзя ожидать, что если вы мечтатель, ваш друг обязательно должен оказаться прагматиком, а если он будет консерватором, то вы — радикалом. У друзей взаимно дополнительные именно те черты характера, которые менее всего подвержены воспитанию или социальной коррекции. Следовательно, даже и здесь, области психологии, мы обнаруживаем социобиологические корни дружбы.

Естественно, что исследование такого необозримого феномена, как дружба, никогда не может быть полным. Но я все-таки тешу себя надеждой, что хотя бы частично ответил на вопрос, каких друзей мы себе выбираем. Теперь ответ можно сформулировать достаточно кратко; чтобы выбрать себе друга, мы из своих выбираем немногих, подобных себе, из них — единомышленников, а среди этих последних — таких, кто по некоторым важным чертам характера и темпераменту не похож на тебя. И едва только все необходимые условия будут выполнены, тотчас обнаружится, сколь мал у каждого из нас шанс обрести верного друга.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Роджерс Дж., Агарвала-Роджерс Р. Коммуникации в организациях. М., 1981. С. 113. Правда, оказывается, что в этом горожанин несколько не отличается от «первобытных» аборигенов Австралии (см., например: Берндт Р. М., Берндт К. А. Мир первых австралийцев. М., 1981).

² Обобщенные данные об обряде инициации и мужских союзах (больших домах) приведены в классическом исследовании В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки». Л., 1986,

³ Платон. Соч. М., 1990. Т. 1. С. 555.

⁴ Энгельгардт В.А. О некоторых атрибутах жизни: иерархия, интеграция, узнавание // Современное естествознание и материалистическая диалектика. М., 1977. С. 328—350.

⁵ Breed M. D., Bekoff M. // J. Theor. Bid. 1981. V, 88. N 3. P. 589—593; Holmes W. G., Sherman P. W. // Amer. Sci. 1983. V. 71. N 1. P. 46—55.

⁶ Blaustein A. R. // Amer. Natur. 1983, V. 121. N 5. P. 749—754; Плюснин Ю. М. // Зоол. журн. 1986. Т. 65. Вып. 9. С. 1379—1384.

⁷ Слободская Е. Р., Плюснин Ю. М. // Вопр. психологии. 1987. № 3. С. 50—57.

⁸ Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. М., 1990.

⁹ Роуз Ф. Аборигены Австралии. Традиционное общество. М., 1989; Артемова О. Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. М., 1987.

¹⁰ Дружба между представителями разных видов, рас является феноменом, имеющим не биологические, а социальные корни. См.: Плюснин Ю. М. Межвидовое общение как научная проблема // Язык в океане языков. Новосибирск, 1993.

¹¹ Платон. Соч. Т. 1. С. 339.